

Глава 24. Не трогай

Едва они миновали тюремные ворота, паланкин сменился каретой.

Экипаж стоял на открытой площади прямо перед Директоратом церемоний — стоял вызывающе, словно ни в грош не ставя величие и грозную славу этого места. Лошади были привязаны к каменным львам у входа; помахивая хвостами и вытягивая шеи, они увлеченно объедали едва распустившиеся бутоны пионов у подножия декоративных скал.

Видимо, удар по самолюбию оказался слишком силен: Цзян Шунь не стал провожать гостей. Забрав у Шэнь Гэ заветный мешочек, он с мрачным видом поспешил прочь через боковой выход, не мешкая ни секунды. С уходом главы исчезли и остальные евнухи. Весь Директорат погрузился в пустоту и тишину, будто в доме только что провели обыск.

Шэнь Гэ небрежным жестом отпустил носильщиков.

Когда Юй Юньлян помог ему спуститься, принц и не подумал идти твердым шагом: он лениво навалился на плечо юноши, переноса на него добрую половину своего веса.

— Разозлился?

Юй Юньлян нахмурился. Вокруг не было лишних ушей, а стоял он к Шэнь Гэ почти вплотную, так что скрывать способность говорить не было нужды.

— О чем ты?..

Юй Юньлян решительно не понимал ни слов этого человека, ни того, что творится у него в голове. Всё в эту ночь было за гранью нормального — даже этот паланкин и роскошная карета. В его памяти Шэнь Гэ из прошлой жизни хоть и греб деньги лопатой, но жил на удивление аскетично. Средства уходили на подкупы, на выстраивание нужных связей, на подпитку амбиций опального принца, мечтающего вернуть себе трон. Тех денег никогда не хватало.

Но в этой жизни Шэнь Гэ внезапно стал другим. Юй Юньлян не помнил, чтобы тот когда-нибудь нанимал такие пафосные экипажи, пользовался изысканными резными грелками или сорил деньгами так безрассудно, не оставляя ничего на черный день.

— И впрямь задержался, — Шэнь Гэ коснулся его руки и щедро вложил в ладонь несколько медных монет. — Купи по дороге чашку горячего сладкого отвара.

Юй Юньлян опустил взгляд на сиротливо лежащие в руке медяки.

«...Теперь узнаю».

Шэнь Гэ, заметив его замешательство, тихо рассмеялся и бросил грелку прямо в руки обледеневшему юноше.

— Были дела, — он по-хозяйски положил руку на плечо Юй Юньляна, лениво оправдываясь. — Не мог вырваться.

От внезапного жара Юй Юньлян вздрогнул — ему захотелось немедленно отбросить эту вещь подальше. Стиснув зубы и прикрыв пальцы краем рукава, он всё же ухватил раскаленную жаровню и помог Шэнь Гэ подняться в карету. Принц так и не убрал руку с его плеча, поэтому юноше пришлось войти следом. Он забился в дальний угол кареты, подтянув колени к груди.

Юй Юньляну ничего не оставалось, как прижать к себе эту пышущую жаром грелку. Его промерзшее до костей тело, давно утратившее чувствительность, теперь отозвалось на тепло мучительным зудом, похожим на укусы тысяч муравьев. Боль была невыносимой; хотелось выскочить из экипажа и броситься обратно в ледяную воду тюрьмы. Там, по крайней мере, всё было ясно: пока жив — сохраняешь рассудок, умер — и жаловаться не на что.

Юй Юньлян до боли сжал грелку, плотно сомкнув губы. Он не сводил глаз с человека, который, так ничего и не объяснив, устроился напротив и закрыл глаза, погружившись в дремоту.

Происходящее не укладывалось в голове. Что значат эти слова? Он и подумать не мог, что Шэнь Гэ явится за ним в подземелье Директората... Шэнь Гэ сказал, что «задержался»?

Будь у Юй Юньляна хоть какая-то ценность, он бы решил, что принц взялся за старое: плетет сети из сладких речей, пытается переманить его на свою сторону. Но его бросили в водяную тюрьму, а значит, он лишился покровительства Цзян Шуня. Любому было ясно: будущего у него нет. Кому сдался никчемный евнух, потерявший всё?

— Пересядь поближе, — внезапно заговорил Шэнь Гэ, не открывая глаз. — Неужели удобно там горбиться?

Юй Юньлян, полный подозрений и не зная, какую игру ведет принц, опустил взгляд и тихо ответил:

— Мне холодно.

После двух дней в тюрьме он сам был похож на глыбу льда. Сядь он ближе — и этот хрупкий принц мог попросту замерзнуть насмерть.

«Хотя... не худший способ отомстить».

Юй Юньлян уставился на свои руки. Он снова вспомнил берег Хуньхэ, тот кинжал и кровь, брызнувшую изо рта Шэнь Гэ. Тёплая, она быстро остывала, становясь холоднее речной воды, и

медленно стекала по его пальцам. Взгляд юноши потемнел. Ему всё еще казалось, что его ладони в крови, сколько бы он ни отмывал их в тюремном бассейне.

Его запястье перехватила другая рука — хватка была слабой, почти невесомой. Юй Юньлян вздрогнул, выныривая из своих мыслей, и поднял голову, глядя на Шэнь Гэ, который вдруг решил нарушить дистанцию.

В прошлой жизни такого не бывало. Шэнь Гэ не был обрезанным рукавом, не питал страсти к мужчинам и, более того, презирал евнухов. Подобные нежности были выше его достоинства. Неужели, чтобы переманить его, этот человек готов зайти так далеко?

Юй Юньлян, будучи рядом с Шэнь Гэ, холодным взглядом наблюдал, как тот, подавляя отвращение, изображает доброту и заботу. Это зрелище даже забавляло его, и он продолжал притворяться дурачком, гадая, как долго принц сможет играть эту роль.

Позже в прошлой жизни он узнал ответ. Шэнь Гэ подошел к нему вплотную лишь раз — чтобы вогнать клинок между ребер, пронзить сердце и оборвать его жизнь.

А нынешний Шэнь Гэ внезапно потянулся к нему... чтобы забрать те самые медные монетки.

—

Юй Юньлян не успел додумать свою мысль; дыхание перехватило, и он едва не поперхнулся от возмущения:

— Тебе нужны монеты?

Этот человек с видом миллионера вручил ему целых три медяка — бог с ним. Но забирать их обратно?!

— Не забираю, — Шэнь Гэ указал на окно. — Там продают сладкий отвар.

Карета выехала за пределы Директората и неспешно покатила вдоль берега Хуньхэ. Здесь часто случались наводнения: вода прибывала стремительно, но город восстанавливали еще быстрее. Не прошло и трех дней, а берега уже сияли прежним великолепием. На улице было шумно: балаганы, торговцы, сказители и кукольники — всё смешалось в пестрой толпе. В воздухе плыли ароматы засахаренных фруктов, каши с пряностями и медовых сладостей, приправленных запахом вина.

У лотка с горячим отваром валил густой пар, а ветер разносил тонкий аромат корицы и густого сиропа. Юй Юньлян смотрел на принца с нескрываемым изумлением. Но тот, не моргнув глазом, с самым естественным видом ответил на его взгляд:

— Две чашки.

Юй Юньлян опешил.

«А денег-то хватит?!»

Шэнь Гэ с величественным видом выудил из рукава еще три монеты. Юй Юньлян выглядел так, будто эти шесть медяков встали у него поперек горла. Он долго и недоверчиво сверлил принца взглядом, пока остатки здравого смысла не напомнили ему о текущем положении дел. Сейчас он не был всемогущим главой службы надзора и не мог просто встряхнуть этого человека за шиворот, чтобы проверить, сколько речной воды залилось ему в голову.

Юй Юньлян поднялся, швырнул грелку обратно на сиденье и, подобрал полы халата, прыгнул на землю.

Ци Цзю привалился к окну и не сдержал смешка, который тут же перешел в сухой кашель.

— Придержи ребра, рана открылась, — напомнила Система, зная, что он отключил болевую чувствительность. — Смотри не отключись прямо здесь.

Ци Цзю распахнул ворот и заглянул под рубаху:

— Ничего страшного.

Дело сделано, парень спасен. Осталось только вернуться в это разваливающееся поместье. Юй Юньлян теперь не сможет вернуться в Директорат, по крайней мере до тех пор, пока Цзян Шунь не примет новую реальность. А старик поймет всё быстро: трогать Юй Юньляна нельзя, потому что он — человек принца. Всё просто.

Миссия шла гладко, сложность была минимальной, и Ци Цзю сейчас больше всего хотелось согреться.

— Что-то подмораживает.

[Подмораживает тебя потому, что ты истекаешь кровью! — всполошилась Система. — Может, попросишь Юй Юньляна перевязать тебя?]

Ци Цзю запахнул ворот:

— Как-то неловко.

[.....]

Конечно, на самом деле Ци Цзю так не считал. Он лишь прижал руку к боку и снова тихо закашлялся. Ему смутно помнилось, что с его «невинностью» в прошлых заданиях случались казусы. То кто-то рвался лечить его массажем, то еще что похуже. Если честно, Ци Цзю хотел поскорее закончить этот мир именно потому, что надеялся найти кое-кого... надеялся, что где-нибудь в глухом уголке этой истории прячется тот самый грязный, ершистый волчонок. Он помнил, что когда-то вырастил одного такого.

Система долго молчала, а затем приоткрыла окно, наблюдая за Юй Юньляном. Юноша в черном халате, бледный и сосредоточенный, отчаянно жестикулировал перед торговцем. Он торговался. Чашка отвара стоила три монеты, две — шесть. Но Юй Юньлян не любил сладкое, ему нужна была лишь половина порции для себя, чтобы отвязаться от принца, которому вода явно ударила в голову. Он пытался выгадать одну монету.

[Как думаешь, он похож на того волчонка?] — спросила Система.

— Трудно сказать, — Ци Цзю поудобнее устроился на подушках. — Его слишком долго учили быть просто оружием.

Система, проанализировав данные, тоже не нашла однозначного ответа. Она превратилась в импровизированную повязку, пытаясь унять кровотечение.

[Значит, сначала сделай из этого оружия человека. А там и посмотришь, не тот ли это волк.]

Ци Цзю закрыл глаза, лениво вертя в пальцах ивовый прутик. Система хотела было проследить за успехами Юй Юньляна в торговле, но, услышав стук подножки, мигом спряталась под одежду Ци Цзю.

Юй Юньлян вошел в карету, неся полторы порции отвара. Полную чашку он поставил перед принцем, а сам с остатками напитка забился в свой угол. Юноша не привык к сладкому и глотал отвар через силу, словно горькое лекарство.

— Ты не пьешь? — он перевел взгляд с Шэнь Гэ на чашку. — Остынет ведь.

— Выпью, — отозвался Ци Цзю.

Но он даже не шелохнулся, продолжая полулежать на подушках.

— Не люблю горячее. Пусть постоит.

Юй Юньлян промолчал.

«Пусть постоит. А я чуть не обжегся, пока пил».

Почувствовав на себе мрачный взгляд юноши, Ци Цзю тихо хмыкнул и открыл глаза.

— Садись сюда.

Юй Юньлян решил не спорить — один раз послушался, послушается и второй. Он сел рядом с Ци Цзю, бережно держа чашку.

— Не нравится? — Ци Цзю снова прижал грелку к груди. — А вкус-то неплохой.

Он говорил мягко и расслабленно, словно это была обычная дружеская беседа. Но Юй Юньлян не расслаблялся ни на миг. Он покосился в окно, где огни Хуньхэ отражались в воде. Казалось, наводнение было лишь дурным сном.

— Слишком сладко, — наконец выдавил он, нахмурившись.

Он ненавидел сладости: от них кружилась голова и путались мысли.

— В следующий раз скажи, чтобы добавили больше воды, — посоветовал Ци Цзю. — Или возьми в чайной лавке полчашки чая и смешай.

Юй Юньлян замер. Он мгновенно понял, что принц видел, как он торговался. Юноша выпрямился, бледное лицо застыло маской, а в глазах вспыхнул гнев. Ци Цзю посмотрел на него и заметил, как порозовели мочки ушей юного евнуха. Он негромко рассмеялся.

Юй Юньлян взорвался, словно ему наступили на хвост:

— Что смешного?!

— Ничего, — ответил Ци Цзю. — И не сердись за тот кинжал.

Юй Юньлян замолчал, обдумывая эти слова, и медленно поставил пустую чашку. Этот человек сам решил использовать его кинжал и сам нанес себе рану. Клинок прошел в волоске от жизненно важных органов.

— ...Зачем? — голос юноши звучал хрипло и неровно.

— Жить не особо хотелось, — честно признался Ци Цзю.

Юй Юньлян никак не отреагировал на этот ответ, но его зрачки под опущенными веками сузились. Система тут же напомнила в наушнике, что ответ не совсем точен.

— Точнее, тогда не хотелось, — поправился он. — А теперь я передумал.

Тогда расчет был прост: смерть от рук Юй Юньляна должна была закрыть гештальт и завершить миссию. Но теперь стало ясно: всё гораздо сложнее. Юй Юньляну, получившему второй шанс, недостаточно просто отомстить. Ему нужно снова стать человеком... и это будет нелегко.

— И насколько же ты передумал? — тихо спросил Юй Юньлян, глядя на нетронутую чашку отвара.

Весенний холод уже остудил напиток, но принц так и не притронулся к нему, только сотрясал воздух пустыми речами.

Насколько он передумал, зависело от прогресса внедрения «золотого пальца». Ци Цзю открыл глаза и попросил Систему вывести статус миссии:

— Пока не знаю...

Договорить он не успел: снаружи раздались крики и грохот. Карету сильно тряхнуло. Юй Юньлян в мгновение ока вскочил, подхватил чашку и выскочил на козлы:

— Что случилось?!

Напуганные лошади неслись по набережной, коляску швыряло из стороны в сторону. Кучер, не заметив перемены в голосе пассажира, в панике тянул вожжи:

— Кони понесли! Там глотали огонь на представлении, вот они и испугались...

Бродячие артисты, только прибывшие в столицу, не знали правил: столбы огня на три фута высотой перепугали не одну упряжку. Кареты сталкивались, переворачивались, а некоторые и вовсе летели в Хуньхэ. Юй Юньлян стиснул зубы, глядя на темную воду реки; сердце бешено колотилось в ушах, тело сковал страх.

В этот миг он почувствовал тепло за спиной. Ци Цзю, опираясь на его плечо, сделал пару глотков отвара и скомандовал кучеру:

— Прыгай.

В реке не утонешь — выплывешь. Возница и сам хотел спастись, но боялся гнева господ:

— Но... как же...

— За каретой придешь в поместье принца, — отрезал Ци Цзю. — Тебя не тронут.

Кучер, словно получив благословение, тут же сиганул в воду. Ци Цзю перехватил брошенные вожжи. Юй Юньлян уставился на него:

— А ты? Почему не прыгаешь?

Принц привалился к нему, наматывая кожаные ремни на кулак:

— Неужели воды не нахлебался?

Он говорил легко, почти шутливо, но Юй Юньлян едва не задохнулся от ярости.

— Я уже говорил... — прошипел он сквозь зубы. — Я не буду тебе благодарен.

Юй Юньлян не умел управлять лошадьми, а его тело, окоченевшее после тюрьмы, едва подчинялось ему. Прыгнет сейчас — не выживет. Ци Цзю понимал это. Он ободряюще похлопал юношу по напряженной спине:

— Не дам я тебе умереть.

Управление колесницей — одно из шести искусств благородного мужа, которым Шэнь Гэ в прошлой жизни так и не научил его. Ему не нужен был благородный муж, ему нужно было оружие.

Ци Цзю быстро посоветовался с Системой: возможность внедрить навык была отличной.

— «Чжушуйчэ», — произнес Ци Цзю. — Чтобы править конями, ты должен знать свой путь лучше, чем они.

Юй Юньлян замер, не сводя глаз с рук принца. Тот держал вожжи уверенно, не давая

обезумевшим коням сбиться с пути, и всякий раз, когда карета опасно кренилась к реке, силой возвращал её на дорогу. Случайный прохожий и не догадался бы, что экипаж неуправляем: казалось, всадник просто очень спешит по делам.

Юй Юньлян тяжело дышал.

— Чжущуйчэ... — повторил он хрипло.

Стремительный бег вдоль извилистого берега без риска падения. Юй Юньлян слышал об этом — он тайком читал выброшенные книги, знал о «шести искусствах» и «пяти способах управления конями». Но ему рано дали понять, что он этого не достоин. Его удел — быть евнухом, карабкаться к власти и быть острым клинком.

Ци Цзю был доволен рвением ученика. Привалившись к плечу Юй Юньляна, он отделил две вожжи и протянул ему:

— Попробуешь?

Юй Юньлян поднял на него взгляд своих темных глаз.

— Я не умею, — медленно проговорил он. — Мы перевернемся.

Ци Цзю оторвал полосу ткани от одежды и обмотал ею ладони юноши, вкладывая в них кожу:

— Перевернемся — так перевернемся. Не велика беда.

Юй Юньлян вцепился в вожжи; его пальцы побелели от напряжения. Он старался в точности повторять движения Ци Цзю. Кожа врезалась в кости даже сквозь ткань, причиняя острую боль. Юноша нахмурился и резко обернулся к принцу. Тот словно не чувствовал боли: его рука, скрытая рукавом, была неподвижна и тверда.

— Левее, — подсказал он.

Юй Юньлян, стиснув зубы, изо всех сил потянул на себя, уводя лошадей от обрыва. Кони, почувствовав твердую руку, постепенно начали успокаиваться. Ци Цзю понемногу ослаблял контроль, подсказывая, когда натянуть, а когда отпустить, как распределить силу и когда дать лошадям волю. В конце концов, конь — не машина, силы у него не бесконечны. Даже самый испуганный жеребец, если дать ему волю проскакать по ровной дороге, скоро придет в себя.

Экипаж замедлился и плавно остановился. Юй Юньлян всё еще сжимал вожжи; сердце его колотилось так, что удары отдавались в горле.

— Лошади устали, — выдохнул он.

Ци Цзю молча опирался на его плечо, низко опустив голову. Юй Юньляна охватила беспричинная тревога; он схватил принца за рукав:

— Всё закончилось. Мы остановились.

— Угу, — Ци Цзю слабо улыбнулся и отнял руку от бока. Немного переведя дух, он спросил: — Сможешь доехать сам?

Вместо ответа Юй Юньлян задал свой вопрос:

— Что с твоей раной?

Ци Цзю глянул вниз:

— Порядок. Просто устал немного. Если справишься с управлением, я переберусь внутрь... отдохну.

Юй Юньлян пытался что-то сказать, но голос подвел его. Раздраженно сглотнув, он впился взглядом в Ци Цзю. Тот сказал, что теперь хочет жить. Но насколько сильно? И если хочет, почему не дает осмотреть рану?

— Лечить я умею, — наконец прохрипел юноша. Он не выпускал рукав принца, а на его лице снова появилось то мрачное выражение, с которым он тащил его в лечебницу. — Дай взглянуть, а дальше делай что хочешь.

Не дожидаясь согласия, он обхватил Шэнь Гэ за плечи и силой усадил его, прислонив к стенке кареты. Одной рукой он придерживал принца, а другой решительно распахнул слои одежды. Его зрачки сузились, и он непроизвольно потянулся к ране.

— Не трогай, — Ци Цзю перехватил его руку.

Увидев огромное кровавое пятно, пропитавшее ткань, Юй Юньлян вспыхнул от гнева.

— Ты же истекаешь кровью! — почти выкрикнул он.

— Вижу... — Ци Цзю устало прикрыл глаза. — А говорил, что боишься крови.

Юй Юньлян едва не заскрежетал зубами. Не говоря больше ни слова, он сорвал с себя черный халат, а затем и нижнюю рубашку — ту самую, дорогую, что выдали ему в Директорате. Он разорвал ткань на полосы, соорудив из них плотный ком, который прижал к ране, а остатками туго обмотал торс принца.

— Терпи. Нужны лекарства.

Обычно он носил снадобья с собой, но после тюрьмы у него ничего не осталось. Юй Юньлян огляделся: они были в безлюдном месте за чертой города. Где-то здесь должны расти нужные травы. Сначала он использует их, а потом найдет что-то посерьезнее.

Ци Цзю молча наблюдал за его суетой. Когда Юй Юньлян закончил с перевязкой, он слегка похлопал его по щеке:

— Не вздумай отключаться.

— ...Хорошо, — отозвался Ци Цзю. — Не буду.

Грудь юноши тяжело вздымалась. Он хотел перенести принца на подушки внутрь кареты, но его руки так дрожали от усталости и холода, что он едва справлялся с собственным весом.

— Да не умру я, — Ци Цзю слабо поднял руку и коснулся его плеча. — Видишь... а говорил, боишься.

— Замолчи, — оборвал его Юй Юньлян охрипшим голосом.

Дело было вовсе не в страхе. Ци Цзю послушно умолк, выдохнул и прислонился к юноше. Сбравшись с силами, Юй Юньлян помог ему перебраться на мягкие подушки в глубине кареты.

— Больно?

Ответа не последовало. Юй Юньлян не стал переспрашивать; он спрыгнул на землю и принялся искать лекарственные травы, отправляя одну за другой в рот. Чем целебнее трава, тем она горше — горечь, казалось, пропитывала само сердце. Юй Юньлян выбрал самые горькие, разжевал их в кашицу и через ткань выжал сок на рану.

Руки Юй Юньляна были в крови. Но он лишь мельком взглянул на них и с тем же бесстрастным видом продолжил менять повязку. Его движения были точными и уверенными, как у здорового человека; казалось, даже его левая рука, некогда искалеченная, обрела прежнюю силу.

Закончив, он хотел было проверить ладонь, которой принц держал вожжи, но не решился. Если он увидит лишнее, то не сможет снова сесть на козлы.

— Чего ты добиваешься? — Юй Юньлян смотрел на спящего человека. — Я же сказал, что не буду тебе благодарен.

Ответа снова не было. Юй Юньлян укрыл Шэнь Гэ всей одеждой, что смог найти, и вернулся на продуваемое ветром место кучера. Весенний холод пробирал до костей; его кожа была белой и ледяной. Громко щелкнув вожжами, он направил лошадей в ночь — туда, где можно было достать лучшие лекарства.

«Кажется, я заключил паршивую сделку», — отстраненно подумал он. Хорошая мазь стоила целый лян серебра, а он за весь год едва ли мог скопить столько. А от этого человека он получил всего один медяк.

<http://bllate.org/book/16113/1590713>